

В гостинице Пэй Цун открыл дверь в свою комнату и оглянулся на Чезаре.

Тот был тих, словно свернувшийся клубком ужонок, лишь мизинец слегка подрагивал. С каменным лицом он прошёл в свою комнату.

Пэй Цун прислонился к потускневшей металлической стене, уставясь на болтающуюся под потолком мерцающую лампочку.

В прошлой жизни, когда он уже начал приобретать известность на чёрном рынке, ему едва удалось вырваться из кровавой бойни.

Весь в запёкшейся крови, выживая на грязнейшей воде, он не смел даже приблизиться к Главному городу.

На окраине пустоши, среди руин, он встретил ребёнка.

Худого, измождённого, настороженного. Испуганного, оцепеневшего. И, как и он сам, носителя постыдного змеиного генетического загрязнения.

Пэй Цун испытывал к нему отвращение и не собирался даже смотреть во второй раз. Но тот ребёнок поднял голову и уставился на него взглядом, в котором, казалось, от рождения была заложена мольба, способная растрогать кого угодно.

Поначалу Пэй Цун оставался безучастным.

На выжженной земле жалость не стоила ни гроша. Но тот ребёнок, опустив голову, молча последовал за ним от чёрного рынка до пустоши, шаг за шагом укрываясь под его сенью.

Пэй Цун поначалу был с ним холоден, ругал, прогонял, силой вталкивал в грязь. Но тот ребёнок не сдавался, был упрям, а во взгляде его смешивались страх и зависимость.

Он помнил, как тот ребёнок, пока он спал, украдкой укрывал его потрёпанным одеялом, как в ночи доставал украденные сухари и шёпотом, почти неразличимым, говорил «спасибо».

Со своей врожденной натурой жертвы он активно пытался угодить ему, сближаясь под маской «сородича». Медленно, шаг за шагом, он пробуждал в Пэй Цуне сердце, умершее много лет назад.

Пэй Цун дрогнул. Он твердил себе, что это не слабость, просто привык к тому, что рядом есть кто-то подобный ему.

Он оставил того ребёнка при себе, давал ему еду, защищал.

Когда на них охотились, даже тяжело раненный, Пэй Цун строил планы, как вывести того в безопасное место.

В итоге ребёнок, прячась за его спиной, воспользовался моментом и без колебаний столкнул Пэй Цуна в радиационное болото.

Стоя на берегу, он передал награбленное врагам Пэй Цуна.

Всё это было спланированной схемой против него самого.

Вода в том омуте была тёплой. Это была кислотная коррозия, смешанная с сильным излучением, которой стоило лишь коснуться - и последствия оставались на всю жизнь.

После того случая его гены так никогда и не стабилизировались.

По ночам он часто терял контроль, тело трескалось и выходило из-под власти, и лишь силой воли он удерживался от превращения в настоящего монстра.

Пэй Цун уже давно смирился с этим.

Предательство того ребёнка стало раной, что никогда не затянется.

Постоянно напоминая: доверие не тому человеку, жалость и тепло в конечном итоге затянут его на дно бездны.

Даже сквозь одежду в щелях позвонков по-прежнему ныла тупая боль. Пэй Цун закрыл глаза, медленно выдохнул, подавляя тень, накрывшую сердце.

Тот грязный щенок из переулка...

...имел точно такое же лицо, как тот ребёнок из прошлого.

Ещё тогда, на повороте переулка, бросив взгляд на того ребёнка, он всё понял. Эта дурная, старая пьеса неожиданно начиналась снова.

В этой жизни, ведя за собой Чезаре, он столкнулся с этим заранее написанным сценарием.

Но одной смерти с него хватило.

Пэй Цун знал, что Чезаре от природы мрачен, от природы холоден. Потенциала у него достаточно, и стоило бы оттачивать его в самое острое лезвие самыми жестокими методами.

Чем строже выращиваешь, тем крепче память.

Но это не означало, что нужно ломать кости, рвать плоть, оставлять его полумёртвым, как его самого в прошлой жизни.

Чезаре не должен был стать таким, как он.

Пэй Цун вырвался из воспоминаний, в глазах ещё мелькали осколки того радиационного омута, как вдруг донесся тихий звук.

В дверь постучали.

Он открыл глаза. Привычка к осторожности заставила его подняться почти бесшумно и подойти к двери.

За дверью стоял Чезаре.

Юноша замер в дверном проёме, бледный свет падал на его лицо, омрачённое, словно в ненастный день.

Пэй Цун на мгновение опешил, машинально решив, что тот пришёл из-за того грязного змеёныша из переулка. Помедлив несколько секунд, он посторонился, впуская его.

Чезаре не стал ничего объяснять, не произнёс ни слова, от него веяло холодным, до костей пронизывающим напряжением.

Пэй Цун прислонился к спинке стула, наблюдая, как тот молча стоит под тусклым светом лампы, и раздумывал, с чего бы начать разговор.

Чезаре резко поднял на него взгляд. Голос его был тихим и холодным.

— ...Хочешь выпить моей крови?

Чезаре уже давно заметил, что Пэй Цун давно не пил кровь.

С окраин чёрного рынка до глухих переулков руин Пэй Цун действовал практически в одиночку. Днём таскал его по рынку, ночью возвращался в эту временную гостиницу.

Никто к Пэй Цуну не приближался, даже те охотники из руин, что любили по ночам совать свои визитки, не смогли к нему подступить.

Чезаре знал: жажду крови у летучей мыши трудно подавить. Поэтому если Пэй Цун так долго не пил ее, ему наверняка будет трудно отказать.

Пэй Цун замер, затем его выражение лица стало странным.

О потребности летучей мыши в крови он и правда вскользь упоминал Чезаре. Но он не ожидал, что тот сам заговорит об этом.

Во рту у него всплыл тот холодный, горький привкус крови, что он почувствовал при первой встрече.

Прогорклый и терпкий, словно яд, вымоченный в жиже.

Сделав один глоток, Пэй Цун сдался и с тех пор больше не прикасался к крови Чезаре.

Разумеется, и к чужой тоже.

Пэй Цун потупил взгляд. Чезаре стоял у окна в потоке холодного воздуха, мрачный, беззвучный, от него исходила невысказанная, леденящая аура.

Пэй Цун не ответил сразу, внутри поднялось лёгкое неловкое чувство.

Он подавил порыв что-либо объяснять, посчитав, что такие слова прозвучат как оскорбление, и потому промолчал, произнеся небрежно:

— ...Нет.

Атмосфера в комнате мгновенно стала натянутой.

Он хотел сгладить ситуацию, но Чезаре не собирался его отпускать:

— Ты втайне пил чью-то другую?

Пальцы Пэй Цуна замерли на столе, внутри что-то ёкнуло.

Этот вопрос прозвучал для него откровенно странно.

Конечно же, это было не так. Но объясняться в подробностях ему было лень.

«Слишком горькая, не лезет», — не самое почётное оправдание. И признаться в этом своему же пятнадцатилетнему «я» казалось Пэй Цуну унижительным.

Он искоса взглянул на него, прикрывшись холодностью:

— Не задавай лишних вопросов.

Едва слова сорвались с его губ, как он увидел, что лицо Чезаре потемнело ещё сильнее, словно того окончательно погрузили в ледяную воду.

В следующее мгновение он развернулся и собрался уходить.

Движение Пэй Цуна опередило мысль. Инстинктивно он протянул руку и схватил его за запястье.

Он знал, что сам по себе человек недоверчивый, и ни за что не позволит ему уйти, чтобы тот там в одиночку накручивал себя.

Пэй Цун смотрел, как Чезаре стоит, опустив голову, его спина напряглась под его ладонью, словно тупой клинок.

Он вздохнул, ослабил хватку и, сдаваясь, выдохнул:

— ... ложись спать здесь.

Чезаре не проронил ни звука. Пэй Цун не стал торопить, разжал руку и вернулся в комнату.

Едва Пэй Цун лёг на кровать, как рядом возник поток холода. Температура тела у Чезаре была пониженной, а исходящая от его кожи кровь несла в себе характерную для змей сырость и прохладу.

Летучие мыши предпочитают слегка тёплую и влажную среду. Инстинктивно Пэй Цун испытывал отторжение, но не подал вида.

Прислонившись к краю кровати, он закрыл глаза и выровнял дыхание.

Но чувства всё же уловили, как тот «холод» медленно приближается. В следующий миг Пэй Цун почувствовал, как холодная аура приблизилась ещё на дюйм.

Атмосфера на двух концах кровати была тихой, даже отдалённый гул чёрного рынка казался заглушённым стенами.

Пэй Цун не открывал глаз, но в полудрёме всё же бросил тихую фразу:

— Будь умницей, не связывайся с тем ребёнком, понял?

Ответа не последовало, и Пэй Цун не стал его добиваться.

Всю ночь они проспали, так и не помирившись.

Проснувшись на следующее утро, Пэй Цун не обнаружил рядом Чезаре.

Он взглянул на время и увидел, что уже наступил час, когда тот обычно уходил на работу. В душе возникло раздражение и чувство вины.

Пэй Цун потерял виски с долей досады. Он никогда не умел утешать, особенно в таких ситуациях.

Но, глядя на тот угрюмый вид Чезаре, в глубине души он всё же чувствовал некоторую неловкость.

Потому, кое-как собравшись, он решил вечером, впервые за долгое время, встретить его после работы.

Нельзя же позволять этому змеёнышу всё время отмахиваться от него хвостом.

***

Пэй Цун стоял у входа в переулок мастерской и наблюдал, как Чезаре неспешно выходит, с лицом холоднее, чем небо над планетой-Свалкой.

Он не поздоровался с ним и шагал, будто ступал по инею.

«Хм? Что это за выражение?»

Пэй Цун перебрал в голове события и вспомнил, что сегодня, кажется, день ежемесячных дружеских состязаний Ассоциации Механиков. Слышал, из-за эволюционного препарата из Главного города прибыло несколько сильных механиков.

В душе Пэй Цун уже догадался, что этот щенок, наверное, сегодня «проиграл» на состязаниях.

— ...сегодня проиграл?

Чезаре проигнорировал его, тучи на лице не рассеялись.

Пэй Цун сделал пару шагов за ним и прищурился. Видя, что тот не реагирует, и, решив самому найти выход, с напускным великодушием, будто утешая ребёнка, он произнёс:

— Ничего страшного. Проиграл - так проиграл.

Его голос был ровным, с оттенком родительского терпения, он в душе он, конечно же, сомневался.

«С таким-то характером, не верю, что он мог позволить себе быть побитым на глазах у всей толпы в руинах.»

В прошлой жизни он ни разу не проигрывал в области механики.

«Наверняка вчера плохо отдохнул, вот и сказалось на результате.»

Хоть и было неприятно, Пэй Цун быстро нашёл себе оправдание, оставив пространство для сохранения лица.

Чезаре замедлил шаг и наконец медленно повернул голову, его голос звучал зловеще.

— Думаешь, я с треском проиграл?

Пэй Цун кивнул:

— Мгм.

Едва он это произнёс, как Чезаре, задрвав подбородок, всё тем же ровным, но в своей сдержанной холодности выдававшим юношескую, неудержимую гордость, голосом сказал:

— Ну, что-то вроде того.

— Только я с треском выиграл у всех.

Брови его были нахмурены, с трудом сдерживая готовую вырваться наружу колкость и хвастовство.

Пэй Цун замер на месте, моргнул и на секунду остолбенел.

«Неужели в свои подростковые годы я был таким же позёром?»

***

Под предлогом награды Пэй Цун повёл Чезаре прогуляться, решив покупать всё, что тому понравится, с готовностью избаловать его до невозможности.

Проходя мимо ряда лотков, Пэй Цун внезапно заметил в углу у кого-то несколько свежезапечатанных пакетов с кровью.

«Кровь птицы высшего сорта».

Он замедлил шаг. На эту вещь он раньше никогда и не взглянул бы.

Потребность в крови из-за генов летучей мыши всегда была для него чем-то второстепенным. Пэй Цун не привык рассматривать кровь как средство ежедневного выживания.

Но вчерашний угрюмый вид Чезаре всё же заставил его машинально бросить ещё пару взглядов на те пакеты.

Чезаре боковым зрением холодно посмотрел на него.

Пэй Цун на мгновение застыл, не желая быть пойманным, и невозмутимо пошёл дальше.

Тут же сзади донёсся приглушенный голос Чезаре:

— ...хочешь пить - покупай, не сдерживайся.

Он хотел сказать, что он не настолько мелочен.

Пэй Цун не успел ответить, как в следующее мгновение Чезаре сделал полшага вперёд, будто собираясь приблизиться, чтобы оттащить его к лотку.

Едва тот приблизился, он инстинктивно отпрянул в сторону, словно от чего-то ядовитого.

Движение было быстрым, почти без малейших колебаний.

Пальцы Чезаре схватили пустоту, и тень в его глазах сразу сгустилась.

Пальцы Пэй Цуна под рукавом судорожно сжались.

За две жизни инстинкт всегда заставлял его избегать такого «приближения». Тень от удара в спину в радиационном омуте, от того, как его отвергали как «грязного», заставляла его на подсознательном уровне противиться прикосновениям.

Пэй Цун успокоил эмоции, лениво опустил голову и усмехнулся, чтобы разрядить обстановку.

— Я совсем не хочу пить кровь.

— Не сердись, будь умницей, вернёмся в гостиницу.

Он проводил Чезаре до гостиницы. Юноша оставался мрачен и с холодными глазами вошёл в комнату, не сказав ему ни слова.

Пэй Цун почесал затылок, решив успокоить его попозже.

Там, на окраине чёрного рынка, он заметил кое-какой полезный товар – партию высококачественного механического металлолома, за которой ему не удалось заполучить в прошлой жизни.

Эту штуку можно было использовать для улучшения оружия, а также в качестве ступеньки для следующего шага в плане.

Однако заполучить его было непросто. Пэй Цун на мгновение заколебался, но всё же решил сначала отвести Чезаре назад, а самому вернуться на чёрный рынок в одиночку.

Пэй Цун быстро договорился о той партии товара.

Когда он, весь в пыли, с лёгкой усталостью вернулся к гостинице, ночной ветер уже был холодным, словно сквозняк из щелей руин.

Он ещё раздумывал, не стоит ли первым пойти на попятную, принести Чезаре что-нибудь вкусное с чёрного рынка, чтобы сгладить сегодняшнюю атмосферу.

Но, подняв взгляд, он замер в шаге от входа в гостиницу.

Чезаре стоял под светом фонаря в тёмном переулке, без тени эмоций на лице.

В руке он держал того самого грязного змеёныша из переулка.

Лицо ребёнка было настолько грязным, что черты не разобрать, в объятиях он мёртвой хваткой сжимал что-то, съёжившись у Цезаре сбоку.

Они были похожи на две тени, вместе вышедшие из чёрной воды. Холодные, сырые, излучающие неуместное молчание.

Усталость Пэй Цуна, копившуюся всю ночь, в конце концов, вылилась в настоящий взрыв.

<http://bllate.org/book/14659/1412323>